

— Стало быть, вы покинули Лондон в большой спешке?

— Да уж, я бы сказал! В прошлую среду в восемь вечера наперекор всем своим привычкам мистер Фогг вернулся из клуба, и через сорок пять минут мы выехали.

— Но куда же направляется ваш хозяин?

— Все вперед и вперед! Ему подавай кругосветное путешествие!

— Кругосветное? — вскричал Фикс.

— Ну да, вокруг света за восемьдесят дней!

ISBN серии

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7086-2

9 786171 270862

ISBN 978-617-12-7657-4

9 786171 276574

ВОКРУГ СВЕТА ЗА 80 ДНЕЙ
В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ

ЖЮЛЬ ВЕРН

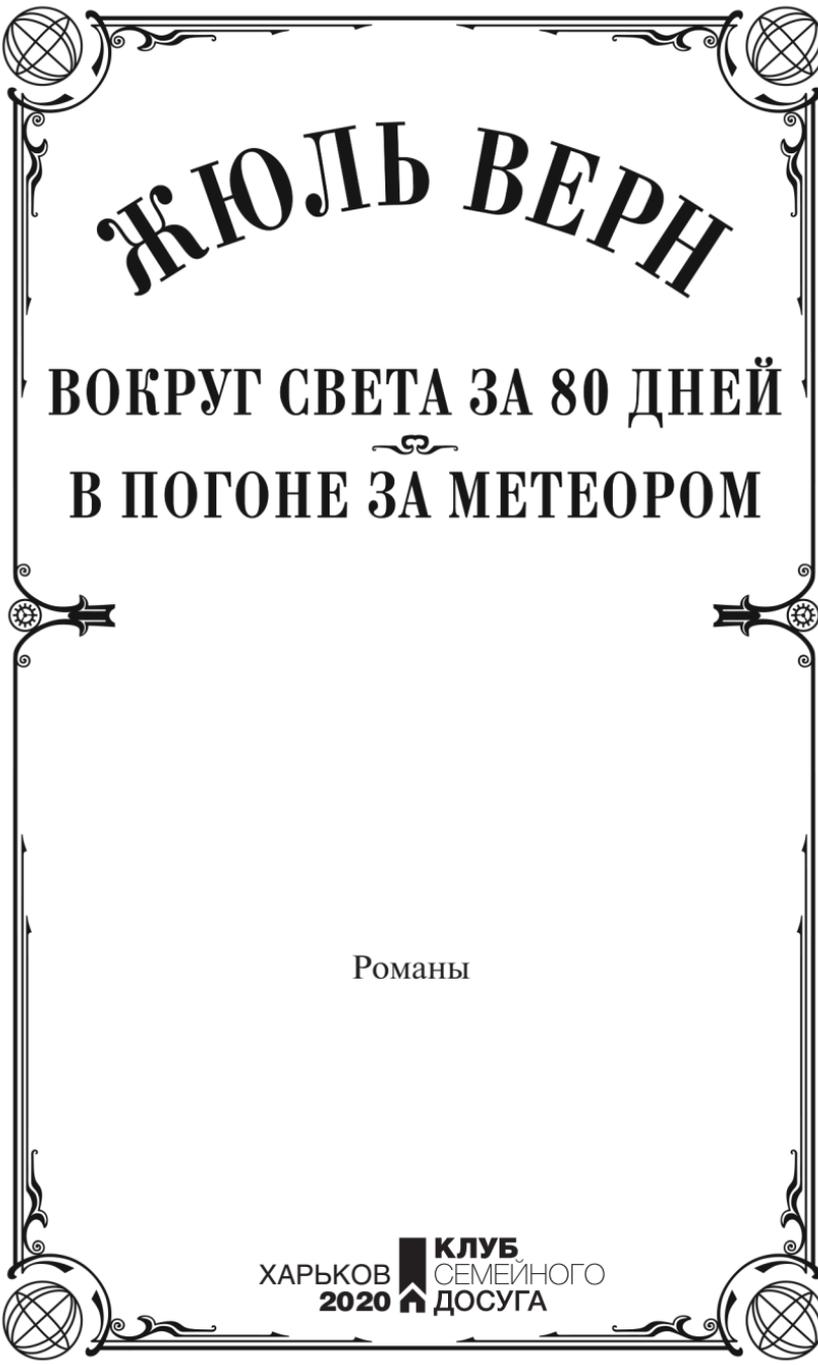

ЖЮЛЬ ВЕРН

ВОКРУГ СВЕТА ЗА 80 ДНЕЙ
В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ

ЖЮЛЬ ВЕРН

ВОКРУГ СВЕТА ЗА 80 ДНЕЙ
В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ

Романы

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2020 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

УДК 821.133.1
В35

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с французского
И. В. Васюченко, Г. Р. Зингера («Вокруг света за 80 дней»),
В. С. Вальдман («В погоне за метеором»)

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

ISBN 978-617-12-7657-4
ISBN 978-617-12-7086-2 (серия)

- © В. Вальдман, наследники, перевод, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ВОКРУГ СВЕТА ЗА 80 ДНЕЙ

ГЛАВА I, в которой Филеас Фогг и Паспарту¹ обретают друг друга в качестве хозяина и слуги

В 1872 году на Сэвилл-роу, в Берлингтон Гарденс, в том самом доме под номером 7, где пятьдесят восемь лет назад скончался Шеридан, проживал Филеас Фогг, эсквайр, большой оригинал, заметно выделявшийся среди членов лондонского Реформ-клуба, хотя сам он, казалось, вовсе не стремился привлекать внимание к своей персоне.

Следуя примеру одного из величайших ораторов, коими гордится Англия, сей Филеас Фогг был фигурой загадочной: никто ничего о нем не знал, кроме того, что он весьма галантный и едва ли не самый видный джентльмен в высшем британском обществе.

В нем усматривали сходство с Байроном, имея в виду лицо, поскольку ноги у него в полном порядке, но то был Байрон с усами, с бакенбардами и до того невозмутимый, что мог прожить, не старея, добрую тысячу лет.

Бесспорный англичанин Филеас Фогг, возможно, не был уроженцем Лондона. Его не встречали ни в банке, ни на бирже, он не появлялся ни в одной из контор Сити. В доках и гаванях Лондона никогда не приставало судно, принадлежавшее Филеасу Фоггу. Этот джентльмен не числился среди тузов городской администрации. Его имя ни разу не прозвучало в стенах коллегии адвокатов и в Темпле, в юридических коллегиях Линкольна или Грея о нем тоже слыхом не слыхали. Он никогда не вел тяжб ни в Канцлерском суде, ни в Церковном, ни в Суде королевской скамьи или в Шахматной палате. Не был ни промышленником, ни негоциантом, ни купцом, ни земледельцем. Не принадлежал ни к Британскому королевскому обществу, ни к Лондонскому институту, равно как к Институту Рассела, Институтам

¹ От фр. «passe partout», буквально — проходящий всюду; здесь — пролаза, ловкий человек.

прикладного искусства, права, западных литератур, да и к Институту наук и искусств, процветающему под собственным милостивым покровительством Его Величества, не имел ни малейшего отношения. Наконец он не примыкал ни к одному из всевозможных обществ, а ведь британская столица ими кишмя кишит, начиная с «Общества ценителей гармонии» и кончая «Энтомологическим», основанным преимущественно с целью истребления вредных насекомых.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба, и только.

Тому, кто удивится, как столь загадочный джентльмен смог получить доступ в это почтенное сообщество, следует объяснить, что он попал туда по рекомендации господ братьев Бэринг, в банке которых ему предоставлялся открытый кредит. Отсюда особый «лоск» его деловой репутации, порожденный тем обстоятельством, что все его чеки неукоснительно погашались по первому предъявлению, а дебетовый остаток его счета неизменно свидетельствовал о несокрушимой кредитоспособности!

Выходит, этот Филеас Фогг был богат? Бесспорно! Но о том, каким образом он сколотил состояние, не имели понятия даже наиболее информированные из его сограждан, а обращаться с подобным вопросом к самому мистеру Фоггу стоило в последнюю очередь. Как бы то ни было, он отнюдь не слыл мотом, однако и скаредности не проявлял: если какому-либо благородному, полезному или милосердному делу требовалась поддержка, он всегда оказывал ее. Молча, даже анонимно.

В общем, это был как нельзя более замкнутый джентльмен. Настолько немногословный, что говорить меньше просто невозможно. Крайняя молчаливость усугубляла впечатление окутывающей его тайны. Между тем жизнь Фогга протекала на виду, он всегда делал одно и то же, повторяя это изо дня в день с такой математической четкостью, что воображение стороннего наблюдателя, возмущаясь, принималось искать сокрытые от глаз объяснения происходящего.

Не доводилось ли ему прежде колесить по свету? Весьма вероятно, ведь никто лучше Фогга не разбирался в карте мира. Казалось, он располагает точными сведениями о любом, самом отдаленном уголке планеты. Порой он высказывал — вскользь, но ясно и лаконично, — множество предположений касательно судьбы погибших или заблудившихся путешественников, в клубе его замечания передавались из уст

в уста. Он предвидел наиболее вероятные повороты событий, и зачастую казалось, что он наделен тайным зрением: со временем реальность всегда подтверждала его догадки. Этот человек, похоже, успел побывать всюду — по крайней мере, мысленно.

Однако же было совершенно очевидно, что Филеас Фогг уже много лет не покидал Лондона. Те, кто имел честь знать его немного ближе, чем все прочие, говорили, что ни одна душа не вправе утверждать, будто этот джентльмен хотя бы раз был замечен где-либо, кроме той прямой дороги, по которой он ежедневно проходил из дома в клуб и обратно. Свое время он посвящал исключительно чтению газет и висту. В этой молчаливой игре, так отвечающей его характеру, он часто выигрывал, но никогда не отправлял эти суммы в свой кошелек — они дополняли, притом существенно, его пожертвования на благотворительность.

Впрочем, надобно заметить, что мистер Фогг играл, по всей видимости, не затем, чтобы выиграть, а ради самой игры. Она была для него сражением, борьбой с трудностями, но эта борьба обходилась без движения, без перемены мест, без усталости, что соответствовало его характеру.

У Филеаса Фогга не наблюдалось ни жены, ни детей, как бывает порой и у самых приличных людей, а также ни друзей, ни родни, что, сказать по правде, случай более редкий. В своем доме на Сэвилл-роу он жил один, и никто не переступал его порога. О том, что творилось внутри его души или жилища, речь никогда не заходила. Филеас Фогг имел только одного слугу, однако этого ему хватало.

Завтракал и обедал он в клубе в раз и навсегда определенные часы, в одном и том же зале, за одним и тем же столом, не затевая бесед с завсегдатаями, не приглашая никого из посторонних. Домой возвращался ровно в полночь исключительно затем, чтобы лечь спать, и никогда не пользовался комфортабельными покоями, находящимися в распоряжении членов Реформ-клуба. Из двадцати четырех часов он проводил у себя дома лишь те десять, что требовались ему для сна и забот о своем туалете. Если он прогуливался, то не иначе как обходя мерным шагом просторный вестибюль с мозаичным деревянным полом или галерею, что опоясывала залу, которую украшал голубой стеклянный купол, поддерживаемый

двумя десятками ионических колонн из красного порфира. Когда он обедал или завтракал, именно клуб обеспечивал ему искусство своих поваров, подкрепляемое богатством кладовой и буфетной. К его столу подавали сочную рыбу и молоко из клубных запасов, его обслуживали лакеи клуба, солидные персоны в черных одеяниях и башмаках с подбитыми войлоком подошвами; они подавали яства в посуде из редкого фарфора, расставляя ее на великолепных саксонских скатертях. Шерри, портвейн и кларет с примесью корицы, папоротника и кинамона наливали ему в хрустальные бокалы, изготовленные по ныне утраченному клубному образцу, и наконец, для поддержания этих напитков в достаточно свежем состоянии подавали лед, за бешеные деньги привозимый с американских озер.

Если быть эксцентричным — значит жить в таких условиях, то надо признать, что в эксцентричности есть свои преимущества!

Дом на Сэвилл-роу, не будучи роскошным, отличался отменным комфортом. Впрочем, задача его поддержания упрощалась благодаря исключительной однотипности привычек хозяина. Тем не менее Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги четкости и пунктуальности поистине экстраординарных. В тот день, 2 октября, он уволил некоего Джеймса Форстера, поскольку малый провинился: принес ему для бритья воду, подогретую до восьмидесяти четырех градусов по Фаренгейту вместо положенных восьмидесяти шести. Теперь он ждал его преемника, который должен был явиться между одиннадцатью и половиной двенадцатого.

Филеас Фогг плотно уселся в кресло, сдвинул ноги, будто солдат на параде, уперся ладонями в колени, выпрямился, вскинул голову и устремил взор на стрелку настенных часов — сложного устройства, показывающего день недели, число и год, а не только часы, минуты, секунды. Как только прозвонит половина двенадцатого, мистер Фогг должен, согласно своей ежедневной привычке, выйти из дому и направиться в Реформ-клуб.

Тут раздался стук в дверь малой гостиной, где расположился Филеас Фогг.

На пороге показался уволенный Джеймс Форстер.

— Новый слуга, — объявил он.

Вошел малый лет тридцати, поздоровался.

— Вы француз и зовут вас Джон? — осведомился Филеас Фогг.

— Жан, если мсье не против, — уточнил вновь прибывший, — Жан Паспарту. Это прозвище ко мне прилипло, оно говорит о моей прирожденной способности выходить сухим из воды. Я честный человек, мсье, но, сказать по правде, занятий поменял много. Был странствующим певцом, наездником в цирке — трюки выделывал не хуже Леотара, танцевал на проволоке, как Блонден. Потом, чтобы с пользой применить свои таланты, стал учителем гимнастики, а под конец еще поработал в Париже пожарным. У меня на счету даже найдется несколько выдающихся пожаров. Но вот уже пять лет, как я покинул Францию, чтобы испытать вкус к жизни в домашнем кругу, и нанялся в Англии лакеем. А теперь, лишившись места и услышав, что мистер Филеас Фогг — самый аккуратный и положительный джентльмен во всем Соединенном королевстве — ищет слугу, решил предложить мсье свои услуги в надежде пожить у него так спокойно, чтобы даже от прозвища Паспарту избавиться...

— Против Паспарту я не возражаю, — ответил джентльмен. — Мне вас рекомендовали. Я получил о вас хорошие отзывы. Мои условия вам известны?

— Да, мсье.

— Хорошо. Сколько на ваших часах?

— Одиннадцать двадцать две, — сообщил Паспарту, вытащив из глубин жилетного кармана огромные серебряные часы.

— Они у вас отстают, — сказал мистер Фогг.

— Прошу прощения, мсье, но это невозможно.

— Отстают на четыре минуты. Неважно. Достаточно учесть запаздывание. Итак, начиная с этого момента, то есть с одиннадцати часов двадцати девяти минут сегодняшнего дня, среды 2 октября 1872 года, вы у меня на службе.

Сказав так, Филеас Фогг встал, взял в левую руку свою шляпу, привычным, доведенным до автоматизма движением водрузил ее на голову и удалился, не прибавив ни слова.

Паспарту слышал, как дверь подъезда захлопнулась в первый раз — это вышел на улицу его новый господин. Затем послышался второй хлопок — Джеймс Форстер, его предшественник, в свой черед отправился восвояси.

В доме на Сэвилл-роу Жан Паспарту остался один.

ГЛАВА II, в которой Паспарту убеждается, что наконец нашел свой идеал

«Черт возьми, — сказал себе Паспарту, поначалу малость огорошенный, — таких живчиков, как мой новый хозяин, я встречал только у мадам Тюссо!»

Здесь следует пояснить, что «живчики» мадам Тюссо — восковые фигуры, на которые лондонцы валом валили поглазеть, выглядят и впрямь весьма натурально, им не хватает только дара речи.

За краткие мгновения своей только что состоявшейся встречи с Филеасом Фоггом Паспарту успел быстро, но тщательно рассмотреть своего нового господина. Это был мужчина, по видимому, лет сорока, с красивым, благородным лицом, скорее бледным, чем румяным, с великолепными зубами, высокого роста, без малейшего намека на полноту, со светлыми волосами и бакенбардами, с гладким лбом, не тронутым даже легчайшими морщинками на висках. Казалось, ему в высшей степени присуще то качество, общее для всех, кто более склонен делать дело, чем поднимать шум, которое физиономисты называют «спокойствием в действии». Невозмутим, флегматичен, веки неподвижны — законченный тип хладнокровного британца, чью несколько напыщенную манеру так метко воспроизводит волшебная кисть Анжелики Кауфман. Рассматривая сего джентльмена в различных ситуациях бытия, следовало предположить, что он ни при каких обстоятельствах не утратит уравновешенности, безукоризненности, словно хронометр «Леруа» или «Эрншоу»: Филеас Фогг и в самом деле являл собой воплощенную точность, о чем явственно свидетельствовало «выражение его стоп и кистей рук», ибо конечности человека, как и у животных, выдают все движения страстей.

Филеас Фогг был из тех математически точных натур, которые никогда не спешат, но всегда успевают, однако воздерживаются от лишних движений и необязательных поступков. Такой без необходимости шагу не ступит, но выберет кратчайший путь к цели. Он не станет попусту пялиться на потолок, вообще не по-

зволит себе ни единого лишнего жеста. Никто не увидит его возбужденным либо растерянным. Это самый неторопливый, но и самый точный человек на свете. Как бы то ни было, можно понять, почему он жил один и, так сказать, вне всех общественных связей. Мистер Фогг знал, что в жизни надобно пообтереться, но поскольку это процесс затяжной, неопределенный, он так и не притерся ни к кому.

Что до Жана, прозванного Паспарту, он был парижанином до мозга костей, вот уже пять лет жил в Англии, освоил ремесло лакея, но тщетно искал хозяина, к которому мог бы привязаться.

Паспарту не стоит уподоблять всем этим востроглазым и самоуверенным Фронтенам да Маскарилям, которые пожимают плечами, держат нос по ветру, а по сути являются не чем иным, как бесстыжими прохвостами. Нет, Паспарту, славный парень с приветливой, немного губастой физиономией, казалось, был всегда готов кого-то поцеловать или что-нибудь перекусить. Мягкосердечный, услужливый малый, он имел круглую добрую голову — такую, какую каждый рад бы увидеть на плечах у друга. У него были синие глаза, подвижная мимика, такие толстые щеки, что он сам мог видеть их. Его отличали могучее телосложение, широкая грудь, крепкая мускулатура (наделенный геркулесовой силой, он смолоду еще и великолепно развил ее регулярными упражнениями). Шевелюра у него была довольно непослушная. Не в пример античным скульпторам, знавшим восемнадцать способов укладывания волос Минервы, Паспарту владел одним методом укрощения своих: три взмаха расчески — и порядок.

Элементарная предусмотрительность не позволяет догадаться, как этот экспансивный парень приспособится к запросам Филеаса Фогга. Станет ли Паспарту тем безупречно аккуратным слугой, какой требуется его хозяину? Остается только поглядеть, как пойдет дело. Пока нам известно одно: хлебнув в юности бродяжьей жизни, Паспарту теперь жаждал покоя. Наслушавшись похвал британской методичности и пресловутому джентльменскому хладнокровию, он подался в Англию искать счастья.

Однако до сих пор судьба его не баловала. Прижиться, пустить где-нибудь корни все не удавалось. Он поменял уже десяток мест, но атмосфера во всех домах, где доводилось служить, была причудливой, нестабильной: один хозяин оказывался

искателем приключений, другой жаждал перемены мест... Паспарту это не манило, он утратил вкус к подобным вещам. Его последний наниматель, молодой лорд Лонгсферри, член парламента, проводя ночи в «устричных залах» Гай-Маркета, слишком часто возвращался домой в бесчувствии, на плечах полисменов. Паспарту, испытывая прежде всего потребность уважать своего господина, отважился на кое-какие почтительные замечания, но они были дурно восприняты, и он порвал с лордом. Тут-то он и прослышал, что Филеас Фогг, эсквайр, ищет слугу. Стал наводить справки об этом джентльмене. Человек, ведущий столь размеренную жизнь, всегда проводя ночи дома, не путешествуя, никогда, даже днем, не болтаясь непонятно где, заведомо должен был ему подойти. О том, при каких обстоятельствах он представился и был принят, мы уже знаем.

Итак, едва часы пробили половину двенадцатого, как Паспарту остался в доме на Сэвилл-роу один. И тотчас приступил к осмотру помещений. Он обошел их все, от подвала до чердака. Чистый, упорядоченный, пуритански суровый, отлично приспособленный для обслуживания дом пришелся ему по душе. Он производил впечатление красивого панциря улитки, но эту раковину обогревал и освещал газ, ведь углеводород здесь вполне обеспечивал все потребности в свете и тепле. На третьем этаже Паспарту без труда обнаружил комнату, которая предназначалась слуге. Она ему подходила. С покоями, находящимися на втором этаже и на антресолях, она сообщалась посредством электрических звонков и переговорных трубок. Электрический маятник на камине был соединен с маятником в спальне Филеаса Фогга, так что оба раскачивались в полном согласии друг с другом, секунда в секунду.

«Это по мне! Все по мне!» — подумал Паспарту.

В своей комнате он заметил также пояснительную записку, висевшую на видном месте, над маятником. Это был список его ежедневных обязанностей. Там перечислялось все, начиная с восьми часов утра, часа, когда Филеас Фогг вставал, и до половины двенадцатого, когда он выходил из дому, чтобы позавтракать в Реформ-клубе; каждая подробность была расписана: чай и жареный хлеб подавать в восемь двадцать три, воду для бритья — в девять тридцать семь, прическа — в десять без двадцати и так далее. И затем, с половины двенадцатого дня до полуночи, когда педантичный джентльмен ложится спать, все

размечено, предусмотрено, организовано. Обдумывание этой программы, закрепление в памяти различных ее пунктов доставило Паспарту настоящее удовольствие.

Что до гардероба этого господина, он был превосходен и великолепно подобран. Каждая пара панталон, любой сюртук или жилет, снабженные порядковыми номерами, фигурировали в списке, где отмечались даты, когда должны надеваться эти предметы одежды, сменяя друг друга в зависимости от времени года. Такого же рода регламент предусматривался и для обуви.

В общем, этот дом на Сэвилл-роу, в пору, когда здесь обитал прославленный, но легкомысленный Шеридан, должно быть, являвший собой цитадель беспорядка, ныне стал уютным, прекрасно оборудованным жилищем. Библиотека отсутствовала, никаких книг, они были без надобности мистеру Фоггу, поскольку Реформ-клуб предоставил в его распоряжение две библиотеки: одну — с книгами по изящной словесности, другую — по вопросам политики и права. В спальне имелся средних размеров несгораемый шкаф, конструкция которого одинаково надежно предохраняла его содержимое как от пожара, так и от кражи. Какое-либо оружие в доме отсутствовало — ни следа охотничьего или боевого снаряжения. Здесь все говорило о самом мирном унастроении хозяина.

Подробно осматривая здание, Паспарту потирал руки, его физиономия все больше расплывалась в широкой улыбке, и он радостно бормотал:

— Это по мне! Вот работа для меня! Мы славно поладим, мистер Фогг и я! Он образец порядка, домосед! Машина, а не человек! Что ж, я не прочь обслуживать машину!

ГЛАВА III,

где завязывается беседа, которая может дорого обойтись Филеасу Фоггу

Филеас Фогг покинул дом на Сэвилл-роу в половине двенадцатого и, пятьсот семьдесят пять раз выставив свою правую ногу впереди левой и пятьсот семьдесят шесть — левую впереди правой, достиг внушительного здания Реформ-клуба, что

высится посреди Пэлл-Мэлл. Его возведение некогда обошлось миллиона в три, не меньше.

Без промедления Филеас Фогг вошел в зал ресторана, через девять окон которого открывался вид на красивый парк, где деревья уже позолотила осень. Там он занял место за своим привычным столом, накрытым в ожидании его прихода. Завтрак его состоял из закусок, паровой рыбы под первосортным редингским соусом, кровавого ростбифа с грибной подливкой, пирога с ревенем и крыжовником и ломтика честерского сыра. Все это сопровождалось несколькими чашечками великолепного чая, собранного по специальному заказу Реформ-клуба и хранимого в его кладовой.

В двенадцать сорок семь наш джентльмен встал и направился в большую гостиную, пышно обставленную и украшенную живописными полотнами в богатых рамах. Там лакей подал ему неразрезанную «Таймс», каковую он аккуратнейшим образом приготовил к чтению, причем его уверенные движения доказывали, что он в совершенстве освоил эту трудоемкую операцию. Изучение этой газеты заняло Филеаса Фогга до трех часов сорока пяти минут, а чтение «Стандард», которое за ней последовало, продолжалось все время до обеда. Трапеза эта проходила в тех же условиях, что и завтрак, но с добавкой «королевского британского соуса».

Снова появившись в большом салоне, джентльмен погрузился в «Морнинг кроникл». А через полчаса туда явились еще несколько членов Реформ-клуба, и у камина, где пылал огонь (топливом служил каменный уголь), собралась небольшая компания. Это пожаловали неизменные партнеры мистера Филеаса Фогга, помешанные, подобно ему, на игре в вист: инженер Эндрю Стюарт, банкиры Джон Сэлливен и Сэмюэль Фаллентэн, пивовар Томас Флэнеган, а еще Готье Ральф, один из администраторов Английского банка. Все они были людьми богатыми и почтенными даже среди членов этого клуба, куда входили крупнейшие промышленники и финансовые воротилы первой величины.

— Итак, Ральф, — поинтересовался Томас Флэнеган, — что слышно об этой краже?

— Ну, — отозвался Эндрю Стюарт, — банку этих денег больше не видать.

— Я же, напротив, полагаю, что мы найдем похитителя, — возразил Готье Ральф. — Полицейских инспекторов, весьма ловких ищек, послали в Америку и Европу, во все главные

порты. Они глаз не спустят с прибывающих и отбывающих. Этому господину будет трудно от них улизнуть.

— Значит, они располагают приметам вора? — спросил Эндрю Стюарт.

— Начнем с того, что это не вор, — серьезно заявил Готье Ральф.

— Позвольте, а кто же? Тип, стащивший пятьдесят пять тысяч фунтов в билетах Английского банка (1 375 000 франков), не вор?

— Нет, — подтвердил Готье Ральф.

— Стало быть, это проделал фабрикант? — усмехнулся Джон Сэлливен.

— Джентльмен, если верить «Морнинг кроникл».

Последнюю реплику подал не кто иной, как Филеас Фогг, чья голова как раз вынырнула из пухлой волны газетных листов, скопившихся перед ним. Он тут же не преминул поприветствовать своих коллег, и те раскланялись в ответ.

Событие, о котором шла речь, вызвавшее жаркие споры на страницах газет Соединенного королевства, произошло тремя днями раньше, 29 сентября. Пачка банкнот на огромную сумму — пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов — была похищена с конторки главного кассира Английского банка.

В ответ на вопросы тех, кто недоумевал, как подобная кража могла пройти незамеченной, заместитель управляющего Готье Ральф ограничился сообщением, что за всем не усмотришь: внимание кассира в тот момент было полностью занято — он регистрировал поступившую сумму в три шиллинга шесть пенсов.

Впрочем, здесь следует заметить (дабы прояснить ситуацию), что Bank of England, Английский банк, это замечательное учреждение, по всей видимости, чрезвычайно озабоченное тем, как бы не оскорбить достоинство публики, не имеет никакой стражи, никаких инвалидных команд, решеток и тех в помине нет! Золото, серебро, банковые билеты открыто разложены, отданы, так сказать, «на милость» первого встречного. Ведь нельзя же ставить под сомнение порядочность посетителя, кем бы он ни был. Один из наиболее внимательных наблюдателей английских нравов рассказывал даже такое: как-то раз он, оказавшись в одном из залов банка и любопытства ради вздумав рассмотреть поближе золотой слиток фунтов на семь-восемь, лежавший на столе у кассира, взял его, повертел, передал стоявшему рядом,

тот — соседу, и слиток, кочуя таким образом из рук в руки, уплыл в темный коридор, а на свое место возвратился не раньше чем через полчаса, причем кассир и глазом не моргнул.

Однако 29 сентября все происходило несколько иначе. Пачка банкнот так и не вернулась, и когда великолепные часы, расположенные над drawing-office, комнатой, где оформляют серьезные деловые сделки, отбили пять ударов, возвещая об окончании работы, Английскому банку не оставалось ничего другого, как перенести пятьдесят пять тысяч фунтов из графы прибылей в графу убытков.

Когда факт похищения был надлежащим образом установлен, полицейские агенты, так называемые «детективы», из числа самых ловких, были разосланы в главные порты — Ливерпуль, Глазго, Гавр, Суэц, Бриндизи, Нью-Йорк и т. д., причем в случае успеха счастливчику обещали премию в две тысячи фунтов (что равноценно 50 000 франков) плюс пять процентов от возвращенной суммы. В ожидании дополнительных сведений, которыми должно было снабдить полицию незамедлительно начатое следствие, этим инспекторам поручили приглядываться самым дотошным образом ко всем путешественникам, прибывающим и отплывающим.

Так вот, согласно сообщению «Морнинг кроникл», имелись основания предполагать, что похититель не принадлежал ни к одному из криминальных сообществ Англии. В тот день, 29 сентября, в кассовом зале выплат, то есть на месте преступления, был замечен бродивший там хорошо одетый джентльмен с приличными, исполненными достоинства манерами. Расследование дало возможность установить его приметы достаточно точно, они без промедления были сообщены всем детективам Соединенного королевства и континента, и это внушало людям здравомыслящим, к числу которых принадлежал Готье Ральф, надежду на то, что вор не уйдет.

Надо полагать, для Лондона и Англии в целом все это находилось в центре внимания. Повсеместно вспыхивали споры о том, насколько вероятен в данном случае успех полиции, кто-то страстно выступал за, кто-то против. Не стоит удивляться тому, что и члены Реформ-клуба задались подобным вопросом, тем более что в их кругу оказался заместитель управляющего банком.

Достопочтенный Готье Ральф и в мыслях не имел подвергать сомнению результаты поисков преступника, тем паче что объявление о награде должно было изрядно повысить рвение и смет-

ливость сыщиков. Однако его коллега Эндрю Стюарт отнюдь не разделял подобного оптимизма. Дискуссия продолжалась и тогда, когда джентльмены уже сидели за столом для виста, Стюарт напротив Флэнегана, Фаллентэн напротив Филеаса Фогга. Во время самой игры партнеры молчали, но прерванный разговор тем энергичнее возобновлялся между робберами.

— Я убежден, что на стороне вора больше шансов, он наверняка ловкач, каких мало! — сказал Эндрю Стюарт.

— Вот еще! — Ральф пренебрежительно хмыкнул. — Уже не осталось ни одной страны, куда он мог бы сбежать.

— Черта с два!

— Куда же ему, по-вашему, податься?

— Понятия не имею. — Эндрю Стюарт пожал плечами. — Но, что ни говорите, мир достаточно велик.

— Когда-то был велик, — буркнул Филеас Фогг себе под нос. — Снимите! — добавил он, протягивая колоду Томасу Флэнегану.

На время роббера спор затих. Но вскоре Эндрю Стюарт возобновил его.

— Что значит «когда-то»? — вполголоса переспросил он. — Не могла же планета случайно взять да и уменьшиться?

— Как сказать, — отозвался Готье Ральф. — Я разделяю мнение мистера Фогга. Земля стала меньше, поскольку теперь ее можно объехать вдесятеро быстрее, чем сто лет назад. В настоящем случае это ускорит розыски.

— Но также облегчит бегство похитителя!

— Ваш ход, мистер Стюарт! — напомнил Филеас Фогг.

Однако доводы оппонента не убедили въедливого Стюарта. Как только партия закончилась, он опять принялся за свое:

— Надо признать, что вы, мистер Ральф, нашли забавный способ доказательства того, что планета уменьшилась. Таким образом, если теперь действительно ее можно объехать за три месяца...

— Всего за восемьдесят дней, — промолвил Филеас Фогг.

— На самом деле, господа, — вмешался Джон Сэлливен, — по выкладкам, приведенным в «Морнинг кроникл», можно и за восемьдесят, при условии, что открыто движение по линии между Роталем и Аллахабадом, по Великой индийской железной дороге. Судите сами:

Из Лондона в Суэц, через Мон-Сени и Бриндизи поездом и пакетботом — 7 дней.

Из Суэца в Бомбей пакетботом — 13 дней.

Из Бомбея в Калькутту поездом — 3 дня.

Из Калькутты в Гонконг (Китай) пакетботом — 13 дней.

Из Гонконга в Йокогаму (Япония) пакетботом — 6 дней.

Из Йокогамы в Сан-Франциско пакетботом — 22 дня.

Из Сан-Франциско в Нью-Йорк поездом — 7 дней.

Из Нью-Йорка в Лондон пакетботом и поездом — 9 дней.

Итого — 80 дней.

— Ну да, восемьдесят! — воскликнул Эндрю Стюарт и по рас-
сеянности побил козырную карту. — Только они не учли пло-
хую погоду, встречные ветры, кораблекрушения, сход с рельсов
и все такое.

— Все учтено, — возразил Филеас Фогг, продолжая играть,
так как на сей раз азарт дискуссии превозмог почтение к висту.

— Даже если индусы или индейцы разберут рельсы? — Эн-
дрю Стюарт громко захохотал. — А если они примутся оста-
навливать поезда, грабить вагоны, сдирать скальпы с пасса-
жиров?

— Все учтено, — повторил Филеас Фогг, открывая свои кар-
ты, и добавил: — Два старших козыря.

Эндрю Стюарт, чья очередь подошла «сдавать», собрал кар-
ты со словами:

— Теоретически вы правы, мистер Фогг, но на практике...

— На практике тоже, мистер Стюарт.

— Хотел бы я посмотреть, как вы осуществили бы подобное
предприятие.

— Дело за вами. Отправимся вместе.

— Боже меня упаси! — воскликнул Стюарт. — Но готов дер-
жать пари на четыре тысячи фунтов (100 000 франков), что
в существующих условиях это невыполнимо.

— Напротив, вполне возможно, — отвечал мистер Фогг.

— Что ж, предлагаю вам это сделать!

— Объехать вокруг света за восемьдесят дней?

— Да.

— Охотно.

— Когда?

— Немедленно.

— Это безумие! — воскликнул Эндрю Стюарт, начиная раз-
дражаться: настойчивость партнера бесила его. — Давайте луч-
ше играть.

— В таком случае раздайте карты заново, — отвечал Филеас Фогг. — Они сданы неправильно.

Разгоряченный Стюарт дрожащей рукой собрал карты, но тут же внезапно швырнул их на стол.

— Что ж, будь по-вашему, мистер Фогг! Ставлю четыре тысячи фунтов! Да!

— Дорогой Стюарт, — вмешался Фаллентэн, — успокойтесь. Это несерьезно.

— Когда я говорю, что держу пари, это всегда серьезно, — отрезал Эндрю Стюарт.

— Идет! — бросил мистер Фогг. Затем, повернувшись к партнерам, заявил: — У меня есть двадцать тысяч ливров в банке братьев Бэринг. Я охотно рискну ими...

— Двадцать тысяч фунтов, полмиллиона франков! — возопил Джон Сэлливен. — Вы готовы лишиться двадцати тысяч из-за какой-то непредвиденной задержки?

— Непредвиденного не существует, — просто ответил Филеас Фогг.

— Но, мистер Фогг, восемьдесят дней — срок, который считывался как самый минимальный.

— Минимум, с толком использованный, — это все, что требуется.

— Однако, чтобы его не превысить, надо с математической точностью перепрыгивать из поездов прямиком на пакетботы, а с пакетботов на поезда!

— Я буду перепрыгивать именно так.

— Да нет же, вы шутите!

— Истинный англичанин никогда не шутит, когда дело касается такой серьезной вещи, как пари, — заявил Филеас Фогг. — Ставлю двадцать тысяч фунтов, что объеду вокруг света за восемьдесят дней или того меньше, иначе говоря, за тысячу девятьсот двадцать часов, или за сто пятнадцать тысяч двести минут. Кто-нибудь примет пари?

— Принимаем, — сказали, посоветовавшись, Стюарт, Фаллентэн, Сэлливен, Флэнеган и Ральф.

— Хорошо, — мистер Фогг кивнул. — Поезд в Дувр отходит в восемь сорок пять. Я поеду этим поездом.

— Нынче вечером? — спросил Стюарт.

— Именно, — подтвердил Филеас Фогг. — Стало быть, — уточнил он, сверившись со своим карманным календарем, —

коль скоро сегодня среда 2 октября, я должен возвратиться в Лондон, в эту самую гостиную, в субботу 21 декабря, в восемь часов сорок пять минут вечера, если же нет, двадцать тысяч фунтов, хранящиеся на моем счете у братьев Бэринг, законно и по праву перейдут в ваше владение, господа.

Протокол пари был составлен и тут же подписан шестью заинтересованными лицами. Филеас Фогг сохранял полнейшее хладнокровие. Он заключил это пари, разумеется, не затем, что рассчитывал приумножить таким образом свой капитал, и эти двадцать тысяч — половину того, что имел, — поставил на кон, предвидя, что вторую половину придется потратить ради успешного завершения своего трудного, чтобы не сказать невыполнимого плана. Что до его противников, они казались взволнованными — не из-за непомерного размера заклада, а потому, что им было несколько неловко ввязываться в борьбу на подобных условиях.

Часы пробили семь. Мистеру Фоггу посоветовали прервать игру, чтобы выкроить время для подготовки к путешествию.

— Я всегда готов! — бесстрастно отвечал джентльмен, раздавая карты.

— Бубны козыри, — объявил он. — Ваш ход, мистер Стюарт.

ГЛАВА IV,

в которой Филеас Фогг ошарашивает Паспарту, своего лакея

В семь часов двадцать пять минут Филеас Фогг, выиграв в вист двадцать гиней, распрощался с достопочтенными партнерами и покинул Реформ-клуб. Когда он, открыв дверь, вошел в свой особняк, на часах было семь пятьдесят.

Паспарту, успевший тщательно изучить распорядок дня, несколько удивился, увидев мистера Фогга, допустившего столь предосудительную неточность, как появление в неурочный час. Ведь согласно оставленной им инструкции обитатель Сэвилл-роу должен был вернуться домой ровно в полночь, не раньше.

Филеас Фогг направился напрямиком в свою комнату и окликнул слугу:

— Паспарту!

Тот и ухом не повел. Этот зов не мог относиться к нему. Еще не время.

— Паспарту! — повторил мистер Фогг, не повышая голоса. Теперь Паспарту предстал перед ним.

— Я уже второй раз вас зову, — заметил мистер Фогг.

— До полуночи далеко, — ответил Паспарту, держа в руке часы.

— Знаю, — сказал Филеас Фогг, — и потому не упрекаю вас.

Через десять минут мы едем в Дувр, а затем в Кале.

На круглом лице француза проступило что-то вроде гримасы. Было заметно, что он с трудом верит собственным ушам.

— Мсье уезжает?

— Да, — отвечал Филеас Фогг. — Мы отправляемся в кругосветное путешествие.

Тут Паспарту неимоверно вытаращил глаза, брови у него сами собой поползли вверх, руки бессильно опустились, тело обмякло — все его существо являло признаки изумления, доходящего до полного помутнения.

— Кругосветное путешествие!.. — пробормотал он.

— За восемьдесят дней, — сообщил мистер Фогг. — Итак, мы не можем терять ни секунды.

— Но как же багаж?.. — выговорил Паспарту, произвольно качая головой: она клонилась то вправо, то влево.

— Никакого багажа. Только дорожная сумка, две шерстяные рубахи, три пары носков. Для вас то же самое. Остальное купим по дороге. Захватите мой макинтош и плед. Наденьте удобную обувь. Впрочем, ходить мы будем мало. Или совсем не будем. Ступайте.

Паспарту хотел воспротивиться. Но не смог. Он вышел из комнаты мистера Фогга, поднялся к себе и рухнул на стул, пробормотав на языке отчизны довольно-таки вульгарную фразу. «Ах! — сетовал он. — Это уж слишком! Вот каналья! Я так хотел покоя, и надо же, чтобы именно со мной...»

А сам уже машинально приступил к дорожным приготовлениям. Вокруг света за восемьдесят дней! Уж не связался ли он с сумасшедшим? Нет... Или это шутка? Ехать в Дувр ну куда ни шло. В Кале, так и быть, пусть. Да это и не может слишком огорчить славного парня, пять лет не ступавшего на родную землю. Может, они и до Парижа доберутся? Право слово, он бы рад снова повидать великую столицу. Но джентльмен, который столь бережно расходует каждый свой шаг, конечно, далеко не уедет...

Да, само собой, оно так, а тем не менее он уезжает, этот джентльмен, до сей поры такой домосед, он хочет сдвинуться с места!

К восьми часам Паспарту уложил в скромный саквояж вещи своего господина и собственные пожитки, потом, все еще взбудораженный, вышел из комнаты, тщательно запер за собой дверь и направился к мистеру Фоггу. Тот уже был готов. В руках он держал знаменитый «Путеводитель по континентальным железным дорогам» Джорджа Брэдшоу, призванный снабдить его всеми сведениями, необходимыми для путешествия по суше и по морю. Он взял из рук Паспарту дорожную сумку, раскрыл и сунул туда толстую пачку новеньких банкнот, имеющих хождение во всех странах мира.

— Вы ничего не забыли? — осведомился он.

— Ничего, сударь.

— Мой макинтош и плед?

— Вот они.

— Хорошо, возьмите сумку.

И мистер Фогг передал саквояж Паспарту.

— Берегите его, — сказал он. — Там двадцать тысяч фунтов.

Паспарту чуть не выронил сумку, как будто эти двадцать тысяч были в золоте и вес имели соответствующий.

Затем господин и слуга спустились вниз, и ключ, запиравший дверь, ведущую на улицу, повернулся дважды.

Станция дилижансов находилась в конце Сэвилл-роу. Филеас Фогг и его слуга сели в кеб, который быстро покатил к вокзалу Черинг-Кросс, откуда берет начало одна из веток Юго-Восточной железной дороги. В двадцать минут девятого кеб остановился перед оградой вокзала. Паспарту прыгнул на землю. Его хозяин последовал за ним и расплатился с кучером. Тут к мистеру Фоггу приблизилась нищенка, державшая за руку ребенка; ее босые ноги были грязны, на голове потрепанная шляпа с жалким пером, сама в рубище, на плечах изодранная шаль. Она попросила милостыню. Филеас Фогг вытащил из кармана двадцать гиней, которые только что выиграл в вист, и протянул их нищей.

— Возьмите, милая женщина, — сказал он. — Я рад, что встретил вас!

И пошел дальше.

Паспарту почувствовал, что у него как будто повлажнело под веками. Хозяин стал ближе его сердцу.

Вскоре они с мистером Фоггом достигли здания вокзала и вошли в большой зал. Там Филеас Фогг распорядился, чтобы Паспарту купил два билета первого класса до Парижа. Потом, обернувшись, увидел своих пятерых коллег из Реформ-клуба.

— Господа, я еду, — сказал он. — Прodelанный мной путь вы сможете по возвращении проследить по различным визам, проставленным в моем паспорте.

— О мистер Фогг, — учтиво запротестовал Готье Ральф, — в этом нет надобности. Мы полагаемся на вашу честь джентльмена!

— Что ж, тем лучше, — обронил тот.

— Но вы не забыли, что вам надо возвратиться... — начал Эндрю Стюарт.

— Через восемьдесят дней, — прервал его мистер Фогг, — в субботу 21 декабря 1872 года, в восемь часов сорок пять минут вечера. До свиданья, господа!

В восемь сорок Филеас Фогг и его слуга заняли места в своем купе. Пять минут спустя раздался свисток и поезд тронулся.

Ночь выдалась темная. Моросил мелкий дождик. Филеас Фогг, прислонившись в уголке, сидел молча. Паспарту, все еще порядком ошарашенный, машинально прижимал к себе сакво-
ж с банкнотами.

Поезд еще не миновал Сайденхема, когда из уст слуги вырвался самый настоящий вопль отчаяния!

— Что с вами? — осведомился мистер Фогг.

— Дело в том, что я... впопыхах... от волнения... забыл...

— О чем?

— Погасить газовый рожок в своей комнате.

— Что ж, мой милый, — спокойно ответил мистер Фогг, — он будет гореть за ваш счет!

ГЛАВА V,

где возникает новая ценность, способная котироваться на бирже

Покидая Лондон, Филеас Фогг наверняка не представлял, сколько шума наделает его отъезд. Сначала слухи о пари распространились внутри Реформ-клуба, не на шутку взбудоражив его

достопочтенных членов. Затем стараниями репортеров ажиотаж выплеснулся на страницы газет, захватив лондонскую публику, а там — и все Соединенное королевство.

«Историю о кругосветном путешествии» обсуждали, о ней спорили, ее разбирали по косточкам, словно речь шла о каком-нибудь международном политическом скандале, схожем с «Алабамской распрей». Одни принимали сторону Филеаса Фогга, другие — именно последние вскоре сформировали внушительное большинство — высказывались против. Затея объехать вокруг света за минимально возможный срок не умозрительно, не на бумаге, пользуясь средствами передвижения, доступными в наши дни, — это не просто невозможно, утверждали они, это — чистое безумие!

«Таймс», «Стандард», «Ивнинг стар», «Морнинг кроникл» и десятка два других весьма популярных газет выразили неодобрение мистеру Фоггу. Лишь «Дейли телеграф» хоть отчасти поддержала его. Филеаса Фогга дружно объявили маньяком, психопатом, досталось и его коллегам по Реформ-клубу: их порицали за согласие на пари, столь явно изобличавшее умственное расстройство того, кто мог такое предложить.

Чрезвычайно запальчивые, но и четко логичные статьи, посвященные этой теме, появлялись одна за другой. Как известно, англичане питают особый интерес ко всему, что касается географии. А потому не нашлось ни одного читателя, к какому бы общественному слою он ни принадлежал, кто не заглывал бы с жадностью газетные колонки, посвященные затее Филеаса Фогга.

Поначалу некоторые смелые умы — преимущественно женские — еще выражали ему симпатии, особенно когда в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» появилась его фотография, взятая из архива Реформ-клуба. Некоторые джентльмены тоже отваживались говорить: «Гм-гм! В конце концов, почему бы и нет? Случались вещи и более невероятные!» В основном это были читатели «Дейли телеграф». Но вскоре стало заметно, что и эта газета начинает сдавать позиции.

И было отчего: 7 октября появилась длинная статья в «Известиях Королевского географического общества». Она рассматривала вопрос с разных точек зрения и тем вразумительнее демонстрировала безрассудство подобного предприятия. Согласно этой статье все было против путешественника: его ждали препятствия, чинимые как людьми, так и природой. Чтобы

успешно осуществить такой план, потребовалась бы волшебная согласованность часов отправления и прибытия — согласованность, которой нет и быть не может.

Что касается Европы, занимающей относительно небольшой отрезок пути, там, по крайней мере, можно рассчитывать, что поезда будут придерживаться расписания, но как полагаться на подобную же точность, планируя пересечь Индию за три дня, а Соединенные Штаты за неделю? А технические неисправности, схождения с рельс, нежелательные столкновения, ненастное время года, снежные заносы? Разве все это не встанет на пути Филеаса Фогга? В зимнюю пору на борту пакетботов не будет ли он зависеть от вихрей и туманов? Нередко случается, что даже лучшие покорители водных пространств при трансокеанских рейсах опаздывают с прибытием в порт назначения на двое-трое суток. А ведь достаточно одного такого опоздания, одного-единственного, чтобы вся запланированная цепочка сменяющих друг друга средств сообщения непоправимо рассыпалась. Стоит Филеасу Фоггу, потеряв всего каких-нибудь несколько часов, пропустить очередной пакетбот, и ему придется ждать следующего, так что его вояж будет окончательно испорчен.

Статья наделала шума. Почти все газеты перепечатали ее, и тут-то акции Филеаса Фогга изрядно понизились.

После отъезда этого джентльмена за первые несколько дней по поводу его «рискованного предприятия» стали заключаться крупные пари. Как известно, Англия — страна любителей «биться об заклад», сообщество спорщиков представляет собой целый мир, более интеллигентный и просвещенный, нежели мир обычных игроков. Держать пари — это пристрастие заложено в природе британского характера. Вот почему не только члены Реформ-клуба принялись вкладывать весьма основательные суммы, делая ставки за или против Филеаса Фогга: движение, разрастаясь, увлекло множество их сограждан. Уподобившись беговой лошади, внесенной в список призовых рысаков, Филеас Фогг приобрел особую ценность. И в этом качестве тотчас стал котироваться на лондонской бирже. На «Филеаса Фогга» возник спрос, «его» приобретали и продавали за наличные или в кредит; он стал объектом крупных сделок. Но спустя пять дней после его отъезда, когда появилась статья в «Известиях Королевского географического

общества», предложение резко превысило спрос. «Филеас Фогг» падал в цене. Его предлагали пачками. Сначала против него ставили по пять или по десять, затем уже по двадцать, по пятьдесят или по сто против одного!

Однако один верный сторонник у него остался. То был старый, разбитый параличом лорд Олбермейл. Почтенный джентльмен, прикованный к креслу, отдал бы все свое состояние, чтобы объехать вокруг света хоть лет за десять! Вот он и поставил на Филеаса Фогга пять тысяч фунтов (100 000 франков). И когда ему доказывали, что затея этого господина не только глупа, но и обречена на провал, он отвечал:

— Если это в принципе осуществимо, желательно, чтобы первым, кто это сделает, стал англичанин!

Однако в общем, так или сяк, ряды сторонников Филеаса Фогга редели, подавляющее большинство настроилось против, ставки теперь делались сто пятьдесят-двести к одному; когда же через неделю после его отъезда в дело вмешался совершенно непредвиденный поворот событий, он был окончательно сброшен со счетов.

В тот день и впрямь случилось неожиданное — в столицу пришло по телеграфу следующее донесение:

«Из Суэца в Лондон.

Роуэну, начальнику полиции, центральное управление, Скотланд-плейс.

Я преследую вора, обокравшего Английский банк, это — Филеас Фогг. Безотлагательно вышлите ордер на арест в Бомбей (Британская Индия).

Фикс, полицейский агент».

Донесение произвело мгновенный ошеломляющий эффект. Почтенного джентльмена более не существовало — его место занял вор, утащивший банкноты. Фотография мистера Фогга, что хранилась в Реформ-клубе наряду с фотографиями прочих его членов, подверглась скрупулезному изучению. Она точь-в-точь соответствовала описаниям неизвестного, чьи приметы были выявлены в ходе следствия. Припомнили и все то, что было таинственного в образе жизни Филеаса Фогга, его замкнутость, его внезапный отъезд. Казалось очевидным, что этот субъект под предлогом нелепого пари затеял кругосветный вояж исключительно затем, чтобы сбить со следа агентов английской полиции.

ГЛАВА VI, в которой агент Фикс проявляет вполне законное нетерпение

Эта депеша относительно Филеаса Фогга была отправлена при следующих обстоятельствах. В среду, 9 октября, к одиннадцати часам утра, в порту Суэца ждали пакетбот «Монголия» компании «Пенинсула энд Ориентл Стим Навигейшн». Это был трехпалубный железный винтовой пароход грузоподъемностью в две тысячи восемьсот тонн и номинальной мощностью в пятьсот лошадиных сил. «Монголия» совершала регулярные рейсы между Бриндизи и Бомбеем через Суэцкий канал. Этот пароход считался одним из самых быстроходных судов названной компании: согласно установленному регламенту, его скорость составляла 10 миль в час на отрезке пути между Бриндизи и Суэцем и 9,53 — между Суэцем и Бомбеем, причем обычно «Монголия» шла даже несколько быстрее.

В ожидании ее прибытия по набережной прогуливались двое мужчин, затерянных в толпе местных жителей и иностранцев, нахлынувших в этот город — еще недавно заурядный поселочек, — которому великое творение господина Лессепса обеспечило солидную будущность.

Один из этих двоих служил у английского консула в Суэце; наперекор мрачным прогнозам британских властей и зловещим предсказаниям инженера Стефенсона он ежедневно наблюдал, как по каналу проходят британские суда, тем самым вдвое сокращая путь из Англии в Индию, вместо того чтобы, как встарь, обгибать мыс Доброй Надежды.

У другого, худощавого, невысокого, было нервное, довольно умное лицо, на котором особенно привлекали внимание упрямо насупленные брови. Сквозь длинные ресницы блестели чрезвычайно живые глаза, чей острый взгляд их обладатель при надобности умел пригашать. Сейчас он проявлял признаки нетерпения и, не в силах оставаться на месте, расхаживал взад и вперед.

То был некто Фикс, один из детективов, иначе говоря, агентов британской полиции, которых разослали по всевозможным портам в связи с похищением денег из Английского банка.

Этому Фиксу поручили смотреть в оба, приглядываясь ко всем пассажирам, держащим путь в Суэц, и если кто-либо из них покажется подозрительным, следовать за ним по пятам, пока не прибудет ордер на арест.

Прошло как раз двое суток с того момента, когда Фикс получил от начальника лондонской полиции описание внешности предполагаемого похитителя. Речь шла о том хорошо одетом, с виду почтенном джентльмене, который был замечен тогда в банковском зале выплат.

И вот детектив, по всей видимости, не на шутку прельстившись щедрой наградой, обещанной в случае успеха, с понятным нетерпением ждал прибытия «Монголии».

— Стало быть, господин консул, вы говорите, что это судно не может опоздать? — уже во второй раз спросил он.

— Нет, господин Фикс, — отвечал его собеседник. — Вчера, по нашим сведениям, оно находилось в открытом море близ Порт-Саида, а пройти сто шестьдесят километров по каналу для такого корабля не задача. Говорю же вам: «Монголия» никогда не упускала приз в двадцать пять фунтов, который правительство выделяет за сутки, выигранные сверх расписания.

— Этот пакетбот идет напрямиком из Бриндизи? — спросил Фикс.

— Ну да, из самого Бриндизи, он там забирает почту для Индии. Он вышел из Бриндизи в субботу в пять вечера. Так что не беспокойтесь, он не замедлит прибыть. Но если этот ваш тип и окажется на борту «Монголии», я, сказать по правде, не понимаю, как по тем приметам, что вам прислали, вы сможете его узнать.

— Господин консул, — изрек Фикс, — этих людей не столько узнаешь, сколько чуешь. Тут надо иметь нюх, особое чутье, которое можно уподобить слуху, зрению и обонянию. За свою жизнь я арестовал немало подобных джентльменов и ручаюсь вам: если вор окажется на борту, ему от меня не улизнуть.

— Что ж, желаю удачи, господин Фикс. Ведь речь идет о довольно неординарной краже.

— Великолепная кража! — воскликнул сыщик с восторгом. — Пятьдесят пять тысяч фунтов! Нечасто нам попадается такая добыча. Воры измельчали! Шепарда по нашим временам не встретишь, его наследники вырождаются! Теперь на виселицу идут за каких-нибудь несколько шиллингов!

— Господин Фикс, — консул усмехнулся, — вы говорите с таким вдохновением, что я еще больше желаю вам преуспеть. Но, повторяю: вы поставлены в такие условия, что, боюсь, это будет трудно. Заметьте: по приметам, которыми вас снабдили, этот вор выглядит как порядочный человек.

— Видите ли, господин консул, — ответил полицейский инспектор назидательным тоном, — крупные воры всегда похожи на приличных людей. Надо вам заметить, что у тех, кто похож на прохвоста, нет другого выхода, как только оставаться законопослушными, в противном случае их мигом сцапают. А вот у кого лицо честное — с теми в первую очередь держи ухо востро. Да, нелегкая у нас работа, должен признаться. Это не столько профессия, сколько искусство.

Как видим, сомнения вышеназванному Фиксу было не занимать.

Между тем народу на набережной становилось все больше. Ее наводняли теперь разноплеменные моряки, торговцы, носильщики, феллахи. По всей видимости, до прибытия пакетбота оставалось совсем немного.

Погода стояла довольно хорошая, но дул холодный восточный ветер. Несколько минаретов, озаренные бледными лучами солнца, четко вырисовывались на фоне неба над городом. На рейде Суэца, словно простертая рука, тянулся к югу длинный двухкилометровый пирс. По волнам Красного моря скользили несколько рыбацких и каботажных суденышек, иные из которых изяществом силуэтов напоминали античные галеры.

Блуждая среди густеющей толпы, Фикс стремительным, профессионально цепким взглядом привычно осматривал встречных.

Время подошло к половине одиннадцатого.

— Да он никогда не прибует, этот пакетбот! — воскликнул сыщик, услышав бой часов.

— Наверняка он уже близко, — промолвил консул.

— Сколько он простоит в Суэце? — спросил Фикс.

— Четыре часа. Время, нужное для загрузки угля. Ему необходимо немало топлива: от Суэца плыть через Аден, а это же дальняя оконечность Красного моря, 1310 миль пути.

— А из Суэца судно направится прямо в Бомбей? — поинтересовался Фикс.

— Да, напрямиком, без дополнительной загрузки топлива.

— Что ж, — сказал Фикс, — если вор избрал этот путь и это судно, он наверняка планирует сойти на берег в Суэце, чтобы другим путем достигнуть голландских или французских владений. Он не может не понимать, что плыть в Индию ему опасно, это английская территория.

— Вы правы, если это человек не слишком отчаянный, — отвечал консул. — Знаете, преступнику, ежели он британец, всегда легче скрываться в Лондоне, чем за границей.

Поделившись этим соображением, давшим сыщику серьезный повод пораскинуть мозгами, консул отправился в свою контору, которая располагалась неподалеку. Полицейский инспектор остался один, объятый нервным нетерпением. Им овладело до странности острое предчувствие, что долгожданный вор должен находиться на борту «Монголии». Да и в самом деле, если этот проходимец покинул Англию с намерением перебраться в Новый Свет, он вряд ли станет пересекать Атлантику: путь через Индию, где властям труднее осуществлять надзор, для него предпочтительнее.

Фиксу не пришлось долго предаваться этим размышлениям. Раздался пронзительный гудок, возвещающий о прибытии пакетбота. Орда носильщиков и феллахов ринулась к причалу, создавая толкучку, не вполне безопасную для одежды пассажиров и даже грозящую легким членовредительством. Десяток лодок, отчалив от берега, устремился навстречу «Монголии».

Вскоре стал виден ее гигантский корпус, бороздящий воды канала; когда пакетбот встал на рейд, с шумом извергая пар из выпускных труб, часы как раз пробили одиннадцать.

Пассажиров на борту оказалось довольно много. Некоторые, оставаясь на палубе, любовались живописной панорамой города, но большинство стало спускаться в облепившие «Монголию» лодки.

Фикс самым придирчивым образом разглядывал тех, кто сходил на берег.

И тут один из них, энергично растолкав феллахов, осаждавших его предложениями услуг, приблизился к сыщику и в высшей степени учтиво осведомился, не укажет ли тот ему, как пройти в британское консульство. При этом пассажир предъявил ему паспорт, в котором, видимо, желал проставить английскую визу.

Машинально взяв паспорт, Фикс мигом пробежал глазами указанные в нем данные.

СОДЕРЖАНИЕ

Вокруг света за 80 дней

Глава I, в которой Филеас Фогг и Паспарту обретают друг друга в качестве хозяина и слуги.	7
Глава II, в которой Паспарту убеждается, что наконец нашел свой идеал	12
Глава III, где завязывается беседа, которая может дорого обойтись Филеасу Фоггу	15
Глава IV, в которой Филеас Фогг ошарашивает Паспарту, своего лакея.	22
Глава V, где возникает новая ценность, способная котироваться на бирже	25
Глава VI, в которой агент Фикс проявляет вполне законное нетерпение	29
Глава VII, где лишний раз доказывается бесполезность паспортов там, где имеешь дело с полицией.	33
Глава VIII, где Паспарту выбалтывает, что может стать, несколько больше, чем следовало	36
Глава IX, в которой Красное море и Индийский океан благоприятствуют намерениям Филеаса Фогга	40
Глава X, где Паспарту благодарит судьбу, что дешево отделался, хоть и лишился обуви	45
Глава XI, где Филеас Фогг за бешеную цену покупает животное, пригодное для верховой езды.	50
Глава XII, где Филеас Фогг и его спутники отважно, но не без последствий пересекают заросли индийского леса	58
Глава XIII, где Паспарту уже не впервые доказывает, что фортуна любит смельчаков	65
Глава XIV, в которой Филеас Фогг, оказавшись в живописной долине Ганга, не удостоил ее красоты ни малейшего внимания.	71
Глава XV, где сумка с банкнотами полегчала еще на несколько тысяч фунтов стерлингов	77

Глава XVI, в которой Фикс притворяется, будто знает не знает, о чем ему толкуют	84
Глава XVII, где по пути из Сингапура в Гонконг заходит речь о всякой всячине ...	89
Глава XVIII, в которой Филеас Фогг, Паспарту, Фикс — каждый хлопочет о своем	95
Глава XIX, в которой Паспарту проявляет слишком живой интерес к делам своего хозяина и это не остается без последствий...	100
Глава XX, в которой Фикс вступает в непосредственный контакт с Филеасом Фоггом	107
Глава XXI, где владелец «Танкадеры» рискует упустить награду в двести фунтов	113
Глава XXII, в которой Паспарту убеждается, что, даже угодив к антиподам, разумно иметь в кармане сколько-нибудь денег...	121
Глава XXIII, в которой нос Паспарту невероятно удлиняется	127
Глава XXIV, где совершается плавание через Тихий океан	133
Глава XXV, где дается беглое описание Сан-Франциско в день митинга	139
Глава XXVI, где рассказано о путешествии в экспрессе Южной Тихоокеанской железной дороги	145
Глава XXVII, в которой Паспарту со скоростью двадцать миль в час проходит курс истории мормонов	150
Глава XXVIII, где Паспарту тщетно взывает к разуму своих спутников	156
Глава XXIX, где рассказывается о происшествиях, возможных только на железных дорогах Америки	164
Глава XXX, в которой Филеас Фогг просто исполняет свой долг	171
Глава XXXI, в которой инспектор Фикс принимает близко к сердцу интересы Филеаса Фогга	178
Глава XXXII, в которой Филеас Фогг бросает вызов злой судьбе	184
Глава XXXIII, в которой Филеас Фогг остается на высоте положения	188

Глава XXXIV, где Паспарту получает повод для игры слов, жесткой и, возможно, непригодной для печати.	196
Глава XXXV, в которой Паспарту не вынуждает своего хозяина повторять свое приказание дважды.	199
Глава XXXVI, в которой Филеас Фогг вновь приобретает биржевую ценность. . . .	204
Глава XXXVII, где доказывается, что Филеас Фогг, объехав вокруг света, не выиграл ничего, кроме счастья.	207

В погоне за метеором

Глава первая, в которой судья Джон Прот, прежде чем вернуться в свой сад, выполняет одну из самых приятных обязанностей, связанных с его должностью.	213
Глава вторая, которая вводит читателя в дом мистера Дина Форсайта и знакомит его с племянником мистера Форсайта, Франсисом Гордоном, и служанкой Митс.	224
Глава третья, где речь пойдет о докторе Сиднее Гьюдельсоне, о его супруге, миссис Флоре Гьюдельсон, о мисс Дженни и мисс Лу — их дочерях.	235
Глава четвертая о том, как два письма, отравленные одно — в обсерваторию города Питтсбурга, а другое — в обсерваторию Цинциннати, были приобщены к делам о болидах.	244
Глава пятая, в которой, несмотря на самые отчаянные старания, мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон только из газет черпают сведения о своем метеоре.	246
Глава шестая, в которой содержатся более или менее фантастические сведения о метеорах вообще и в частности о болиде, честь открытия которого оспаривают друг у друга господина Форсайт и Гьюдельсон.	254
Глава седьмая, в которой мы увидим, как миссис Гьюдельсон огорчает поведение ее мужа, и услышим, как славная Митс пробирает своего хозяина.	263
Глава восьмая, где полемика в печати еще больше обостряет положение и которая кончается столь же неожиданным сколь и неоспоримым выводом.	272

Глава девятая, в которой газеты, публика, мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон упиваются математикой.	281
Глава десятая, на протяжении которой у Зефирена Ксирдаля зарождается идея, и даже не одна, а две.	287
Глава одиннадцатая, в которой мистеру Дину Форсайту и доктору Гьюдельсону суждено пережить сильнейшее потрясение.	304
Глава двенадцатая, в которой мы увидим миссис Аркадию Стенфорт, обреченную в свою очередь на нетерпеливое ожидание, и где мистер Джон Прот будет вынужден признать свою некомпетентность.	310
Глава тринадцатая, в которой, как предвидел судья Джон Прот, появляется третий похититель, а за ним вскорее и четвертый.	328
Глава четырнадцатая, в которой вдова Тибо, необдуманно вмешавшись в самые сложные проблемы небесной механики, причиняет серьезнейшее беспокойство банкиру Лекёру.	337
Глава пятнадцатая, в которой И. Б. К. Лоуэнталь указывает, кому достанется главный выигрыш.	348
Глава шестнадцатая, в которой мы увидим большое число любопытных, воспользовавшихся случаем поехать в Гренландию и стать свидетелями падения необыкновенного болида.	356
Глава семнадцатая, в которой чудесный болид и один из пассажиров «Мозика» сталкиваются: первый — с земным шаром, а второй — с пассажиром парохода «Орегон».	364
Глава восемнадцатая, где господин Шнак, чтобы добраться до болида, в сопровождении многочисленных соучастников нарушает границы чужих владений и вторгается на запретную территорию.	371
Глава девятнадцатая, в которой Зефирен Ксирдаль проникается все возрастающим отвращением к болиду, и что из этого проистекает.	377
Глава двадцатая, которую прочтут, быть может, с сожалением, но написать которую автора побудило уважение к исторической правде и надежда на то, что в таком виде она будет когда-нибудь занесена в анналы астрономической науки.	402
Глава двадцать первая и последняя, в которой содержится эпилог этой истории, а последнее слово остается за мистером Джоном Протом, судьей в городе Уостоне.	405

Літературно-художнє видання

Серія «Жуль Верн»

ВЕРН Жуль

Навколо світу за 80 днів. Гонитва за метеором

Романи

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*

Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*

Художній редактор *А. О. Попова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 05.02.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 3800 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»

61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51

Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

Серия «Жюль Верн»

ВЕРН Жюль

Вокруг света за 80 дней. В погоне за метеором

Романы

Главный редактор *С. И. Мозговая*

Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Художественный редактор *А. О. Попова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 05.02.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 3800 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригінал-макету
в типографии «Фактор-Друк»

61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51

Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Верн Ж.

В35 Вокруг света за 80 дней. В погоне за метеором : романы /
Жюль Верн ; пер. с фр. И. В. Васюченко, Г. Р. Зингера,
В. С. Вальдман. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейно-
го Досуга», 2020. — 416 с. — (Серия «Жюль Верн», ISBN 978-
617-12-7086-2)

ISBN 978-617-12-7657-4

УДК 821.133.1